

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾, С. В. ВОРОБЬЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрыты концептуально-прикладные аспекты кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности. Обоснованы сингулярные и плюралистические модели эссенциалистской и конструктивистской идентичности. Выявлены концептуальные различия четырех типов кросс-культурных моделей и определены возможности и пределы их применимости: сингулярные модели эссенциалистской идентичности ориентированы на разработку универсальных критериев, плюралистические модели – на разработку универсальных критериев в заданных масштабах; сингулярные модели конструктивистской идентичности направлены на поиск условий соизмеримости культур, плюралистические модели – на поиск условий сосуществования несоизмеримых культур.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность; сингулярные модели идентичности; плюралистические модели идентичности; эссенциалистская идентичность; конструктивистская идентичность.

CONCEPTUAL AND APPLIED ASPECTS OF CROSS-CULTURAL MODELS OF CIVILISATIONAL IDENTITY

A. A. LIAHCHYLIN^a, S. V. VOROBYOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. A. Liahchylin (liahchylin@bsu.by)

Abstract. The article reveals the conceptual and applied aspects of cross-cultural models of civilisational identity. Singular and pluralistic models of essentialist and constructivist identity are substantiated. The conceptual differences between four types of cross-cultural models are revealed and the possibilities and limits of their applicability are determined. Singular models of essentialist identity are focused on developing universal criteria, pluralistic models – on developing universal criteria on given scales. Singular models of constructivist identity are focused on finding conditions for commensurability of cultures, pluralistic models – on finding conditions for coexistence of incommensurable cultures.

Keywords: civilisational identity; singular models of identity; pluralistic models of identity; essentialist identity; constructivist identity.

Образец цитирования:

Легчилин АА, Воробьева СВ. Концептуально-прикладные аспекты кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;3:24–30.
EDN: GTVKIQ

For citation:

Liahchylin AA, Vorobyova SV. Conceptual and applied aspects of cross-cultural models of civilisational identity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;3:24–30. Russian.
EDN: GTVKIQ

Авторы:

Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.
Светлана Викторовна Воробьева – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Authors:

Anatoly A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
liahchylin@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-7644-9985>
Svetlana V. Vorobyova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
cherbourg@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2173-6418>

Введение

К настоящему времени разработано множество теорий глобальной и региональной динамики, в которых изложены концептуальные идеи цивилизационной идентичности (А. Тойнби, Р. Доуз, Т. Парсонс, Р. Дарендорф, Ч. Мерриам, С. Хантингтон, И. Валлерстайн, Р. Шартье, О. Хеффе и др.). Они стали актуальными в организации кросс-культурных исследований цивилизационной идентичности, а также

при поиске ответов на следующие вопросы: «Социальные отношения образуют (идентифицируют) людей или люди образуют социальные отношения?», «Что считать приоритетным – онтологию или эпистемологию в идентификационных механизмах цивилизации?». В зависимости от ответов на эти вопросы выстраиваются и кросс-культурные модели цивилизационной идентичности.

Постановка проблемы

Актуальность вопросов кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности обусловлена онтологическим и эпистемологическим переходом от эволюционистских моделей объяснения к моделям коммуникативного типа. В них многомерный образ истины предполагает соотнесенность с культурным контекстом, генерирует значения понятий «транс», «между», «кросс». Это означает, что в глобальном мире соизмеримость и интерпретация различий требует постоянного пересмотра. Понимание происходящих процессов, их предвидение предполагает выявление и осмысление факторов формирования ценностей, традиций, укладов жизни на уровне

цивилизаций. Значение этих факторов определяется их влиянием на социальные, политические, экономические процессы.

Указанная предопределенность представляет собой синергизм множества идентификационных механизмов – лингвистических, этнических, национальных, образовательных, конфессиональных, сетевых, территориальных и иных, выстраивающих ментальность под влиянием цивилизационных сдвигов во всех типах социальных взаимодействий. Исходя из вышесказанного, цель статьи – раскрыть концептуально-прикладные аспекты кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности.

Анализ основных исследований по проблеме

Кросс-культурные исследования цивилизационной идентичности осуществляются в разных научных плоскостях и аспектах. Теоретико-методологические аспекты осмысления цивилизационной идентичности представлены в трудах Н. Элиаса [1], Г. Чайлда [2], Ш. Эйзенштадта [3], Ж. Деррида [4; 5]. В ряде концептуальных разработок выявлены характерологические особенности цивилизаций и географических контактных зон [6], объяснена специфика цивилизационной идентичности в переходную эпоху [7; 8], обосновано влияние сетевых коммуникаций на идентичность [9].

В контексте исследований цивилизационной идентичности обращает на себя внимание диалектический анализ глобального и локального, раскрывающий особенности формирования национальной и наднациональной идентичности в условиях глобализации [5]. В нем обосновываются новые взгляды на национальный вопрос [10; 11]. Следует подчеркнуть, что подобный диалектический подход методологически важен в контексте вызовов, с одной стороны, радикального нивелирования национального сознания, влекущего космополитизм, с другой – его укрепления за счет вытеснения инонационального, что может стать триггером перерождения в нацизм.

Особое значение в решении проблемы цивилизационной идентичности отведено контексту культу-

ры. Подход к анализу и оценке цивилизации в этом аспекте включает осмысление нового ее состояния как «крутого» поворота «в развитии ее ценностного содержания», необходимого для того, чтобы избежать искаженных образов будущего [12, с. 11]. В связи со сказанным «в условиях нарастания глобальной нестабильности» актуализирована тема, связанная с определением роли культуры в переходе к новой цивилизации, «выстраиванием нового идеала цивилизационного развития», определением его связей с цивилизационным наследием [13, с. 17].

В ряде публикаций исследуется проблема европейской и постсоветской идентичности. В частности, европейская идентичность изучена в культурных аспектах ее дискурса [14], в политическом контексте [15], а также на прагматическом примере цивилизационной самоидентификации белорусской государственности [16]. Постсоветская идентичность исследована в ракурсе таких «драматических последствий», связанных с распадом СССР, как «парад суверенитетов», непрочность новых интеграционных образований [17, с. 4].

В научной литературе представлены базовые концепты, направления и перспективы кросс-культурного анализа [7; 18], методологические аспекты кросс-культурных исследований, а также возможности и пределы их применимости [14; 19].

Обсуждение проблемы

Под цивилизационной идентичностью следует понимать механизмы самоопределения в условиях культурной, социальной и языковой множественности транзитивного, изменчивого и неопределенного глобального мира. В таком мире концепт цивилизационной идентичности становится более мощным в сравнении с другими формами идентификации. Он вносит изменения в системы разделяемых ценностей и трансформирует процессы отчуждения. В связи с этим научно-методологическое значение данного концепта обусловлено процессами самоопределения индивидов, общностей, обществ, государств на уровне цивилизаций (например, западной, восточной, исламской, православной), для которых характерны самобытность и отсутствие любых заимствований. Это с одной стороны. С другой стороны, не исключены сценарии цивилизационной идентичности в межкультурном пространстве в контексте понятий «транс», «между», «кросс». Сказанное предполагает выявление противоречий и осмысление вытекающих из них многообразных и многомерных форм конфликтной динамики глобального мира, что делает государства, нации, этносы, индивидов элементами одного порядка, т. е. принадлежащими определенной цивилизации. Такое обобщение изменяет тренды и сценарии в их самоопределении, которое становится рискованным вследствие множественности и многозначности практик, размывающих идентичности более низких уровней.

Кросс-культурные модели цивилизационной идентичности представляют собой формализацию культурного многообразия, которое отображается в квадрантах ортогонального пересечения онтологического и эпистемологического подходов. В первом подходе необходимо различать эссенциалистские и конструктивистские онтологии, во втором – сингулярные и плюралистические эпистемологии. В результате кросс-культурное моделирование обретает контуры аргументации в пределах одной из четырех решеток исследовательского поля, образующихся вследствие объединения онтологических и эпистемологических параметров: онтологический эссенциализм / сингулярная эпистемология, онтологический конструктивизм / сингулярная эпистемология, онтологический эссенциализм / плюралистическая эпистемология, онтологический конструктивизм / плюралистическая эпистемология.

Различие онтологий лежит в плоскости разграничения антипсихологических и психолого-антропологических факторов формирования цивилизационной идентичности. Их предикторами в кросс-культурных моделях служат соответственно статические и динамические категории. Статические категории эссенциалистской онтологии определяют сдвиги в сторону порядка, воспроизводя устойчивые аспекты цивилизационной идентичности. Динамические

категории конструктивистской онтологии определяют сдвиги в сторону свободы, фиксируя интервалы в неравновесных самоорганизующихся процессах самоидентификации.

Онтологический эссенциализм цивилизационной идентичности принимает во внимание объективно существующие, реалистические, т. е. стабильные или неизменные, качества носителя идентичности, исключая их культурную множественность и вариативность. К ним относятся цивилизации, а также нации, расы, гендер, язык и др. Вытекающие из них различия – цивилизационные, национальные, расовые, гендерные, языковые и иные – позволяют выявлять константные формы организации и социального устройства, которые проективно интерпретируются индивидами, оставаясь независимыми от дискурсивных практик. Онтологический конструктивизм цивилизационной идентичности опирается на культурное многообразие и многомерность истины. Его предпосылками выступают исторические условия и социально-культурные контексты, обуславливающие спорность и подвижность границ идентичности. Предикторы спорности и подвижности актуализируют зависимые от дискурсивных практик факторы нестабильности и изменчивости. В связи с этим динамика цивилизационной идентичности воспроизводится посредством предикторов субъективного оспаривания и пересмотра границ идентичности. Предикторы должны отражать то, с чем не согласен или против чего выступает субъект идентичности в зависимости от дискурсивного контекста.

Различие эпистемологических подходов к цивилизационной идентичности проистекает из дихотомии наличия/отсутствия эталонов в цивилизационной динамике. Наличие эталонов выступает условием сингулярной эпистемологии в кросс-культурных моделях, отсутствие эталонов – условием плюралистической эпистемологии в них. Из дифференциации сингулярных и плюралистических эпистемологий вытекает соответственно универсализм и партикуляризм решений в рамках интерпретации культурных сходств и различий.

Сингулярная эпистемология стремится разработать критерии эталонной цивилизации, опираясь на универсальные стандарты. Универсальные стандарты как сингулярные структуры понимания не допускают различий, имеющих значение, и как следствие такого изоляционизма не являются когерентными. Однако поскольку универсализации подлежат, как правило, западные стандарты и критерии, постольку модели оказываются европоцентристскими (Г. Чайлд, Н. Элиас). Г. Чайлд раскрыл археологические, антропологические и лингвистические признаки арийской культуры как основания европейской цивилизации. При этом он подчеркнул

сложность определения того, «что именно культура какого-нибудь индоевропейского народа заимствовала от проживавшего ранее на этой территории народа, какие ее черты являются следствием культурного заимствования, а какие она унаследовала от своих предков» [2, с. 104–105]. Н. Элиас, опираясь на принцип культурного изоляционизма, разработал теорию о «структурах аффектов», которые свойственны людям всех обществ, и контроля над ними. При этом стандарты и образцы такого контроля «могут отличаться на разных ступенях развития у различных слоев даже одного и того же общества» [1, с. 5]. Для выявления его критериев ученый проследил на историко-литературном материале становление форм поведения, считающихся цивилизованными в западноевропейской культуре.

Плюралистическая эпистемология предопределена культурным полиморфизмом, подразумевающим пространственно-временную множественность форм цивилизаций и их взаимодействий. Полицентризм как антитеза единственности эталона означает поиск специфических признаков, содержательно раскрывающих цивилизацию в заданных аспектах. Методологию плюралистического подхода раскрыл Ж. Деррида в своей полемике с Ф. Фукуямой по проблеме формально-логической неразрешимости концепта «демократия». Неразрешимость означает неполноту содержания данного концепта, подразумевающую дополнение универсальной дефиниции извне, например из партикулярных контекстов его применимости. Ж. Деррида подчеркнул, что демократия реализуется именно тогда, когда она отличается от себя, содержит в себе другой опыт, отсылая к иному месту и времени. В действительности демократия изначально не тождественна себе, из чего автор выводит заключение о том, что «не существует демократии без этого различия с самой собой»¹ [4, р. 63]. Наименование «демократия» не является термином в сингулярном понимании, так как не может быть идентифицировано само по себе, поэтому осмысление демократии как процесса возможно лишь по ту сторону формально-логических дефиниций, что исключает применимость к ней метафизических принципов тождества, сущности, основания и присутствия. Синкретизм данных позиций обуславливает неизменное начало вещи. Невозможность синкретизма означает то, что идея демократии не является данностью, идеей или регулятором. Ее рефлексия возможна лишь «по ту сторону каких-либо тождеств, идентичностей, топосов, мест; по ту сторону всех территорий, наций, границ и государств; по ту сторону любых истоков, корней, оснований» [4, р. 62–63]. Речь идет о необходимости проводить различие «между самореференцией и инореференцией», которое согласно Н. Луману «повторно вносит различие в то, что референция уже различила» [20, с. 144]. Например, Ф. Фукуяма

не учел национализма как «темной стороны демократии» [21, р. 112].

В качестве промежуточного вывода можно констатировать, что концептуальное содержание цивилизационной идентичности определяет эссенциалистская или конструктивистская онтология, к которой применимы сингулярные или плюралистические схемы понимания. В результате оказываются различимыми четыре типа кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности. Квалифицируем каждый тип.

Сингулярные модели эссенциалистской идентичности основаны на идее соответствия универсальным стандартам и эталонам. В частности, согласно Э. Гидденсу универсальными стандартами служат «структурные регулярности» и «социальные стратификации», влияющие на действия [22, с. 38–88]. В сингулярных моделях социальное целое доминирует над действующими субъектами (актерами), для того чтобы, во-первых, вытеснить герменевтику и интерпретационные подходы, во-вторых, дифференцировать функционализм и структурализм. Герменевтика, разводя социальные и естественные науки, противопоставила субъективности как «изначальному центру опыта культуры и истории» материальный мир, управляемый «безличными отношениями причины и следствия» [22, с. 39]. В связи с этим для устранения данной антитезы в сингулярных моделях в соответствии с аналогическими и гомологическими схемами различается функциональное и структурное содержание.

Функциональное содержание включает механизмы социальной адаптации и саморегулирования по аналогии с биологическими системами [22, с. 38]. В частности, многие контексты социальной жизни предопределены информационным фильтрованием, «когда акторы на стратегически важных местах рефлексивно регулируют общие условия системного воспроизводства для того, чтобы либо поддерживать существующее положение вещей, либо изменить его» [22, с. 73]. Структурное содержание раскрывается в контексте гомологии социальных и естественных наук, прежде всего в когнитивном плане, предполагающем, что «в каждой из них выражаются сходные черты общей структуры сознания» – рефлексии как «движущегося потока жизни» [22, с. 38, 40]. Индивидуальное поведение воспроизводит структурные качества более крупных коллективных образований, при этом структуру нельзя отождествлять с принуждением, так как она наряду с ограничениями создает возможности для действий [22, с. 70].

Плюралистические модели эссенциалистской идентичности основаны на рефлексии культурных структур, или паттернов, цивилизации. Таковыми паттернами являются, например, культурно-институциональные комплексы Ш. Эйзенштадта, культурно-сетевые структуры Р. Коллинза, габитус

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Л., С. В.

в топологии социального пространства П. Бурдьё. В частности, согласно Ш. Эйзенштадту ключевую роль в цивилизационной динамике играют верования и культурные представления, содержание которых репрезентировано в базисных образцах социальных взаимодействий [3].

Сетевые схемы Р. Коллинза и его сетевой анализ раскрывают механизмы трансляции имеющегося культурного капитала и превращения его в новую культуру посредством сдвигов в аргументации и дальнейшего формулирования новых идей. Теория интерактивных ритуалов и социальная концепция формирования долговременных репутаций подкреплены анализом философских традиций как духовной основы цивилизационной идентичности, поэтому сетевые паттерны охватывают культурное воспроизводство не столько в национальных, сколько в цивилизационных масштабах [23, с. 73].

Плюралистическая модель П. Бурдьё тяготеет к свободе, но онтология габитуса эссенциальна. Концепт габитуса представляет собой характерологическую структуру совокупности некоторых условий существования, обуславливающих идентичность в ситуациях выбора стратегий [24]. Сущность габитусов как систем устойчивых диспозиций заключается в генерировании и организации практик и представлений путем «реактивации смысла, объективированного в институтах» [25, с. 111].

Сингулярные модели конструктивистской идентичности разрабатывались как оппозиция нецивилизованым, варварским формам идентификационных механизмов. Цивилизованное действие в качестве нормы задается определенными социальными границами. Например, в социогенетической концепции Н. Элиаса первичными границами в конструктивистской идентичности выступают структуры повседневности – взаимосвязи с другими людьми. Они служат эмпирическими регуляторами бытия, детерминируя «цепочки взаимозависимостей» и определяя радиус общения [1, с. 5, 20]. Н. В. Мотрошилова в качестве таких границ рассматривает небиологические надындивидуальные бытийные формы и механизмы, благодаря которым «цивилизация выполняет свои главные функции – сохранение, преемственность и развитие человеческого рода» [26, с. 2].

Варварство как антитеза цивилизации проявляет себя посредством паттернов злонамеренного поведения в отношении неразделяемых ценностей. Явно или латентно оно лежит в основе любой формы самомнения и эгоизма. С латентным варварством, принимающим цивилизованный облик, связывают

современные кризисные общественные процессы. Их перечень довольно широк, от технологического порабощения человека и трансгуманизма до утраты культурных, христианских основ европейской цивилизации. Они воспринимаются как чуждые культурным образцам жизни [27, с. 157–158].

Плюралистические модели конструктивистской идентичности сложились в контексте несоизмеримости культур, полагающем культурную самобытность цивилизации и вытекающую из нее возможность несовместимости с культурами других цивилизаций. Пограничье разных культурных миров есть пространство проявления инаковости, которое разделяет мир на своих и чужих по разным критериям, например по критерию правых и неправых, верных и неверных, справедливых и несправедливых. Плюралистические модели конструктивистской идентичности связывают рост межкультурного разнообразия в структуре социальных взаимодействий с повышением терпимости к феноменам инаковости. Их цель заключается в поиске и обосновании условий непротиворечивого согласования разных тенденций в глобальных пространственных конфигурациях неопределенности и риска – территориях, зонах, границах инаковости.

В основу плюралистического моделирования положена идея о *Другом* [28; 29]. В соответствии с концепцией Э. Левинаса фундаментальным в вопросе идентичности выступает отношение *Я – Другой*: *Я* – это не только тождество, *Я* – еще и *Другой*. Иное в тождественности составляет субъективность, а замена тождественного на иное означает обретение бытием смысла или дополнение рационализма идентичности рационализмом трансцендентности, следовательно, логикой различия [28, р. 17].

Отношение к *Другому* проявляется в агрессивной нетерпимости как к чуждому или в толерантности как к иному. Радикальное неприятие или принятие *Другого* способствует соответственно росту отчуждения или самораскрытию. Отчуждение оставляет в тождестве, самораскрытие ведет к взаимодействию и диалогу. Выход за пределы доверия только своему опыту означает включение в процессы его совместного конструирования. Только обращенность к иной реальности и к иным критериям категоризации способствует осмыслению своей реальности и ее критериев. В результате нарциссизм доминантной культуры может оказаться нарциссизмом малых или отсутствующих различий.

Заключение

Концептуально-прикладные аспекты, характеризующие кросс-культурные модели цивилизационной идентичности, раскрываются в контексте онтологии и эпистемологии. Во-первых, особенно

сти концептуализации обусловлены различием эссенциалистской и конструктивистской онтологии, сингулярной и плюралистической эпистемологии. Если онтологический эссенциализм делает

акцент на стабильных качествах носителя цивилизационной идентичности и константных формах организации, независимых от дискурсивных практик, то онтологический конструктивизм – на факторах неустойчивости, зависимых от дискурсивных практик. Дифференциация в эпистемологии предопределена наличием или отсутствием эталонов в цивилизационной динамике. Сингулярная эпистемология основана на понимании, не допускающем различий, следовательно, она стремится разработать критерии эталонной цивилизации. Плюралистическая эпистемология базируется на понимании, допускающем культурный полиморфизм и множественность форм цивилизаций, значит, она ориентирована на поиск специфических признаков в соответствии с заданным контекстом.

Во-вторых, концептуализация опосредует прикладные аспекты кросс-культурных моделей цивилизационной идентичности, которые обусловлены ортогональным пересечением указанных онтологий и эпистемологий. Каждый из образующихся четырех типов моделей выступает методологическим прообразом одномерной или многомерной истины и воспроизводит двойственные тенденции. С одной стороны, имеет место универсализация, при которой цивилизация предполагает стратегии приобщения к определенным эталонным образцам (например, приобщение к схемам эффективных экономик или систем образования). С другой стороны, тенденция уникальности предполагает учет культурного многообразия индивидуальных и надындивидуальных общностей. Это означает, что кросс-культурные модели цивилизационной идентичности позволяют выявлять

глубинные причины конфликтов между различными геополитическими образованиями, основанных на культурных различиях, понимать, оценивать и модифицировать условия межкультурного диалога и эффективного взаимодействия и сотрудничества.

В-третьих, единство концептуальных и прикладных аспектов кросс-культурных моделей означает когерентность и диалектическую взаимосвязь их различных сторон. Цивилизационная идентичность в контексте эссенциалистской онтологии представляет собой институционализированные формы, основанные на культурном сходстве. Ее сингулярные модели ориентированы на поиск или разработку критериев стабильности и неизменности цивилизационной идентичности, плюралистические модели – на поиск или разработку критериев ее стабильности и неизменности в заданных аспектах и масштабах. Цивилизационная идентичность в контексте конструктивистской онтологии представляет собой неинституционализированные формы, основанные на культурных различиях. Ее сингулярные модели ориентированы на поиск условий соизмеримости культур в контексте их многообразия. Предпосылкой соизмеримости выступает трактовка глобализации как общности целей и действий. Плюралистические модели ориентированы на поиск условий сосуществования несоизмеримых культур в контексте их многообразия. Предпосылкой сосуществования выступает трактовка глобализации как взаимодействия и открытости между государствами и культурами.

Библиографические ссылки

1. Элиас Н. *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 1, Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада*. Руткевич АМ, переводчик; Бойцова ОЮ, редактор. Москва: Университетская книга; 2001. 332 с. (Книга света).
2. Чайлд Г. *Арийцы. Основатели европейской цивилизации*. Емец ИА, переводчик. Москва: Центрполиграф; 2007. 270 с. (Загадки древних цивилизаций).
3. Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации. *Неприкосновенный запас* [Интернет]. 2010 [прочитано 12 мая 2025 г.]; 6:42–67. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/sryvy-modernizaczi.html>.
4. Derrida J. *Voyous: deux essais sur la raison*. Paris: Galilée; 2003. La raison du plus fort (Y a-t-il des États voyous?); p. 17–161.
5. Derrida J. *Voyous: deux essais sur la raison*. Paris: Galilée; 2003. Le «monde» des Lumières à venir (Exception, calcul et souveraineté); p. 163–217.
6. Легчилин АА, Сайганова ВС, Воробьева СВ. Географическая идентичность в условиях глобализации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;4:22–30. EDN: OYCWRU.
7. Кондаков ИВ, Соколов КБ, Хренов НА. *Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты*. Москва: Прогресс-традиция; 2011. 1024 с.
8. Левчук НН. Цивилизационное позиционирование в эпоху глобализации. *Беларуская думка*. 2014;3:57–62.
9. Емелин ВА, Тхостов АШ. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета. *Вопросы философии*. 2013;1:74–84. EDN: PLURVF.
10. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма*. Николаев ВГ, переводчик; Баньковская СП, редактор. Москва: Кучково поле; 2016. 416 с.
11. Миллер АИ. *Нация, или Могущество мифа*. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге; 2016. 146 с. (Азбука понятий). EDN: VPLKHY.
12. Данилов АН. Культура как «плавильный котел» истории: ценностный профиль новой цивилизации. В: Иваненко АА, Адольфи Р, Васильев ВВ, Зайцев ДВ, Козырев АП, Кротов АА и др., редакторы. *Философия истории философии. Том 2*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета; 2022. с. 7–19. DOI: 10.21638/spbu34.2021.101.

13. Данилов АН. Сова Минервы вылетает в сумерки: культура и новая цивилизация. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;1:17–22. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-1-17-22.
14. Шишкина ЕВ, Викторова ЕВ. Культурные аспекты дискурса европейской идентичности. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2018;3:437–449. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-437-449.
15. Воронин МС. Когнитивное моделирование навигационных процессов в идеологическом пространстве «новой Европы». *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016;4(часть 4):30–36. EDN: VVTDFE.
16. Легчилин АА, Воробьева СВ, Сайганова ВС. Интеллектуальная история белорусской государственности: методологические аспекты исследования. В: Лазаревич АА, Дудчик АЮ, Завадский МБ, Адуло ТИ, Бобков ИМ, Еворовский ВВ и др., редакторы. *Интеллектуальная культура Беларуси: от Просвещения к современности. Материалы Восьмой Международной научной конференции; 21–22 ноября 2024 г.; Минск, Беларусь. Том 1*. Минск: Четыре четверти; 2024. с. 85–88.
17. Данилов АН. Новые геополитические реалии будущей цивилизации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;4:4–12. EDN: YSFSWL.
18. Воробьева СВ, Легчилин АА. Логико-методологические аспекты кросс-культурных исследований. В: Данилов АН, Абламейко СВ, Елсуков АН, Данильченко АВ, Легчилин АА, Рубанов АВ и др., редакторы. *Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина*. Минск: БГУ; 2014. с. 136–144.
19. Воробьева СВ, Легчилин АА. Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:17–22. EDN: YSJLJR.
20. Луман Н. Концепт общества. В: Соколова ГН, Титаренко ЛГ, составители. *Западная социология: современные парадигмы*. Минск: Беларуская навука; 2015. с. 131–145.
21. Mann M. *The dark side of democracy: explaining ethnic cleansing*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. X, 580 p.
22. Гидденс Э. *Устройство общества: очерк теории структуризации*. 3-е издание. Москва: Академический проект; 2015. 528 с. (Концепции).
23. Коллинз Р. *Социология философии: глобальная теория интеллектуального изменения*. Розов НС, Вертгейм ЮБ, переводчики. Новосибирск: Сибирский хронограф; 2002. 1281 с.
24. Бурдые П. *Социальное пространство: поля и практики*. Шматко НА, составитель и редактор. Москва: Институт экспериментальной социологии; 2005. 576 с. (Gallicinium). Совместно с издательством «Алетейя».
25. Бурдые П. *Практический смысл*. Бикбов АТ, Вознесенская КД, Зенкин СН, Шматко НА, переводчики; Шматко НА, редактор. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. Книга 1, Критика теоретического разума. Глава 3, Структура, габитус, практика; с. 100–127 (Gallicinium). Совместно с Институтом экспериментальной социологии.
26. Мотрошилова НВ. *Цивилизация и варварство в современную эпоху*. Москва: Институт философии РАН; 2007. 268 с.
27. Любарт МК. Понятие «внутреннее варварство» современной цивилизации в научной и публицистической мысли Франции. В: Буданова ВП, Арзаканян МЦ, Балезин АС, Васютин СА, Вдовченков ЕВ, Воробьева ОВ и др., редакторы. *Цивилизация и варварство. Выпуск 8, Антропология латентного варварства*. Москва: Аквилон; 2019. с. 156–182.
28. Lévinas E. *Le temps et l'autre*. Montpellier: Fata Morgana; 1979. 91 p.
29. Messina AL. *L'anarchie de la paix: Lévinas et la philosophie politique*. Paris: CNRS éditions; 2018. 218 p.

Статья поступила в редколлегию 28.06.2025.
Received by editorial board 28.06.2025.